

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2023.6762

EDN: KCNHQU

Пациент Достоевский

В. Н. Захаров

Петрозаводский государственный университет

(г. Петрозаводск, Российская Федерация)

e-mail: vnz01@yandex.ru

Аннотация. Медицинская тема в жизни и творчестве Достоевского разнообразна, многоаспектна и автобиографична. Семья, быт, наблюдения, анализ симптомов болезней формировали личный и творческий опыт будущего автора. Достоевский, имея аналитический склад ума, глубоко интересовался медицинскими вопросами, что проявилось в его творчестве, где он с фактографической точностью описывал болезни своих героев. Болезнь писателя была фактором критики и литературного творчества. В критической литературе она в основном обсуждается в биографическом аспекте: исследуется влияние эпилепсии на творчество писателя, изучается патография автора и героев его произведений, анализируются их психические болезни. Какой была эпилепсия Достоевского? помогала она или мешала его творчеству? была ли свидетельством его гениальности или дегенеративности? — на эти вопросы пытаются ответить критики, интересующиеся психиатрическими болезнями гения. В данной статье проведена систематизация известных и малоизвестных свидетельств болезней Достоевского, представлено отношение писателя к медицине, рассмотрены особенности диагностики его заболеваний, проанализировано художественное воплощение болезней его героев, намечены перспективы исследований.

Ключевые слова: Достоевский, Достоевские, медицина, болезнь, эпилепсия, падучая, чахотка, патография, Новое Время, Суворин, Ризенкампф, Яновский, воспоминания

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда РФФ в рамках научного проекта № 21-18-00481 [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

Для цитирования: Захаров В. Н. Пациент Достоевский // *Неизвестный Достоевский*. 2023. Т. 10. № 2. С. 113–129. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6762. EDN: KCNHQU

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2023.6762

EDN: KCNHQU

Patient Dostoevsky

Vladimir N. Zakharov

Petrozavodsk State University

(Petrozavodsk, Russian Federation)

e-mail: vnz01@yandex.ru

Abstract. The medical topic in Dostoevsky's life and work is diverse, multifaceted and autobiographical. Family, everyday life, observations, analysis of symptoms of diseases formed the personal and creative experience of the future author. Dostoevsky, having an analytical mindset, was deeply interested in medical issues, which manifested itself in his work, where he described the illnesses of his heroes with factual accuracy. The writer's illness was a factor of criticism and literary creativity. In critical literature, it is mainly discussed in the biographical aspect: the influence of epilepsy affects the writer's work, the pathography of the author and the heroes of his works is studied, their mental illnesses are analyzed. What was Dostoevsky's epilepsy like? did she help or hinder his creativity? was it evidence of his genius or degeneracy? — critics who are interested in the psychiatric diseases of genius are trying to answer these questions. In this article, the systematization of well-known and little-known evidence of Dostoevsky's diseases is carried out, the writer's attitude to medicine is presented, the features of the diagnosis of his diseases are considered, the artistic embodiment of the diseases of his heroes is analyzed, research prospects are outlined.

Keywords: Dostoevsky, Dostoevskys, medicine, disease, epilepsy, consumption, pathography, *Novoe Vremya*, Suvorin, Rizenkampf, Yanovsky, memoirs

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number № 21-18-00481. Available at: <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Zakharov V. N. Patient Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2023, vol. 10, no. 2, pp. 113–129. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6762. EDN: KCNHQU (In Russ.)

Достоевский опасался одной, а умер от другой болезни. В последние месяцы жизни его беспокоила не падучая, а эмфизема легких. Так, в конце ноября 1880 г. он писал А. И. Савельеву, который был дежурным офицером в Инженерном училище в годы его учебы там:

«...страшно нездоров моей *анфиземой*: Дыхания мало и начинается расстройство желудка, весьма серьезное, тоже от *анфиземы*, как говорит доктор, т<о> е<сть> от недостаточного дыхания»¹.

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье. Т. 16₂. С. 250. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д18* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

Несколько дней спустя на «ослабление сил» от этой болезни он жаловался И. С. Аксакову:

«...разгулялась моя анфизема, укороченное дыхание, а за ним и ослабление сил» (*Д18*; т. 16₂: 251).

Достоевский умер от кровотечения, вызванного разрывом легочной артерии. Диагноз и история болезни одинаково изложены в разных источниках. 27 января 1881 г. А. Г. Достоевская писала О. Ф. Миллеру:

«...у него лопнула легочная артерия и сильно шла горлом кровь»².

Диагноз (умер от легочного кровотечения) записан в свидетельстве о смерти Достоевского, выданном за подписью протоиерея Н. М. Вирославского 9 февраля 1881 г. причтом церкви Владимирской Божьей Матери [*Летопись*; т. 3: 542–543].

Лечил Достоевского доктор Я. Б. Бретцель, который в воспоминаниях от 3 марта 1918 г. решил уточнить диагноз:

«В то время еще микроб чахотки не был найден, поэтому строгого определения быть не могло, тем более что болезнь протекала хронически; объективное же исследование не оставляло сомнения, что это был туберкулезный процесс. В обоих легких были значительные разрушения (каверны), и разрыв легочной артерии в одну из каверн дал столь сильное кровотечение, остановить которое было не в наших силах, и вызвало смертельный исход» (*ЛН*: 312).

В этом субъективном суждении странным выглядит желание доктора представить свое мнение «объективным исследованием». Не безупречна и логика: «микроб» тогда не был найден, его «строгого определения быть не могло», лабораторных исследований не было ни в 1881, ни в 1918 гг., врач не назначал, пациент не сдавал анализы, а диагноз есть.

Подобная логика часто преследует умершего пациента на приеме современного эскулапа.

Будущий писатель родился в семье врача Михаила Андреевича Достоевского. До шестнадцати лет он жил во флигеле Мариинской больницы для бедных среди больных и врачей. Врачами были сослуживцы отца и родственники матери, дядя М. Ф. Достоевской В. М. Котельницкий преподавал на медицинском факультете Московского университета.

Младший брат писателя Андрей Михайлович вспоминал, как однообразно, «по разъ заведенному порядку, одинъ какъ другой», проходили дни в доме на Божедомке:

² Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 529. (Сер.: Литературное наследство; т. 86.) Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *ЛН* и указанием страницы в круглых скобках.

«Вставали утромъ рано, часовъ въ шесть. Въ восьмомъ часу, отецъ выходилъ уже въ больницу, или въ Палату, какъ у насъ говорилось. Въ это время шла уборка комнатъ, топка печей по зимамъ и проч. Въ девять часовъ утра отецъ возвратившись изъ больницы, ѣхалъ сейчасъ же въ объѣздъ своихъ довольно многочисленныхъ городскихъ паціентовъ, или какъ у насъ говорилось *на практику*»³.

После осмотра пациентов Михаил Андреевич возвращался домой, в первом часу обедали, далее следовал его послеобеденный отдых, который длился часа полтора-два. В четыре часа пили вечерний чай, после врач снова шел к больным. Вечера были заняты заполнением «скорбных листов», назначением лекарств, иногда семейным чтением вслух. В девять часов собирался ужин, после которого дети становились на молитву и отходили ко сну.

Так в повседневных заботах и труде проходил каждый день — быт разнообразили праздники, гости, поездки в театр и к родным, позже — летние вакации в Даровом.

Всё было подчинено служению Михаила Андреевича: работа в больнице, частная практика, обязанности домашнего врача как среди родни, так и в счет платы за учебу в пансионах, в которых учились старшие дети. Жалование и медицинская практика не помогали выбиться из нужды. По разным причинам (пожар 1832 г., неурожайные и засушливые 1837–1839 гг.) не оправдались расчеты на прибыльность помещичьего хозяйства.

Отца Достоевского оклеветали потомки. Чиновник, примерный и достойный повышения, был ославлен пьяницей [Нечаева, 1939: 18–19], [Волоцкой: 51–52]. В числе сплетников оказалась даже его внучка Любовь Федоровна Достоевская⁴. Прав И. Л. Волгин, писавший, что нет никаких фактов, указывавших на алкоголизм Михаила Андреевича вплоть до выхода в отставку в 1837 г. «Единственный период, к которому можно отнести его тягу к спиртному, — два года, следующих за смертью жены» [Волгин: 66]. Критика голословных обвинений М. А. Достоевского пересмотрена В. С. Нечаевой [Нечаева, 1979], в специальных работах [Кобылянский, 2015а, 2015b], [Прохоров, 2015, 2017].

Больничныи быт и врачебная среда были образом жизни будущего писателя. В детские и юношеские годы сформировалась его увлеченность медициной. Он живо интересовался медицинскими вопросами, прислушивался к разговорам, затрагивающим эту тематику, расспрашивал врачей и пациентов, читал медицинские книги и статьи в газетах и журналах, дружил с докторами А. Е. Ризенкампом⁵ и С. Д. Яновским в 1840–1860-е гг.

³ Достоевский А. М. Воспоминания [полный текст] // Портал “philolog.petsru.ru”. ПетрГУ. [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petsru.ru/amdost/vospomin/vospomin.htm/> (14.03.2023).

⁴ Достоевская Л. Ф. Мой отец Федор Достоевский / вступ. ст., общ. ред., примеч. Б. Н. Тихомирова, пер. с фр. Н. Д. Шаховской. М.: Бослен, 2017. С. 58–59.

⁵ Их воспоминания уточнены в исследованиях и новых публикациях [Тихомиров, 2018, 2021], [Фокин, 2019, 2021].

Во время пребывания в остроге ему благоволили врачи Омского военного госпиталя. Достоевский охотно и прилежно лечился в 1860–1870-е гг. и считал, что петербургские и московские врачи лучше провинциальных, которые или утратили интерес к медицине как науке, или не имеют практического опыта, недавно получив университетское образование. Писатель полагал, что немцы-врачи, работающие в России, профессиональнее русских медиков, поскольку уровень медицины в Германии выше, чем в России. Впрочем, мнение его о европейских врачах изменилось на противоположное, когда женевский доктор «не рассмотрел» смертельную болезнь дочери Сони (Д18; т. 15₂: 266).

Личный опыт писателя способствовал формированию его интереса к медицине, что проявилось в описании многих болезней в его произведениях: чахотки, падучей, скарлатины, порока сердца, разного рода психических заболеваний. Они исполнены живых подробностей и сценического драматизма.

Достоевский не увлекался модными в то время явлениями магнетизма, гальванизма, месмеризма, физиогномики, спиритизма, психоанализа.

Его интересовали настоящие болезни.

Когда Илюша Снегирев заболел, он не понимал, что серьезно болен. Коля Красоткин думал, что у Илюши чахотка и возмущался, что доктора обирают Снегиревых. Для Коли доктора и всякая «медицинская сволочь» — шельмы: «Я отрицаю медицину. Бесплезное учреждение». Однако он допускает, что его суждение нужно проверить: «Я впрочем всё это исследую» (Д18; т. 14: 136).

Болезнь для Достоевского — естественное состояние человека. Всё относительно — и в той или иной мере все больны и здоровы. Достоевский исходил из того, что здоровых людей нет, здоровые люди — это, скорее, исключение, чем правило.

Сам писатель охотно лечился, но допускал, что медицина может быть бесполезной. Так, черт в «Кошмаре Ивана Федоровича» иронизирует по поводу того, что в Европе «исчез прежний доктор, который ото всех болезней лечил, теперь только одни специалисты и всё в газетах публикуются» (Д18; т. 14: 231). Теперь «заболи у тебя нос тебя шлют в Париж: там дескать европейский специалист носы лечит. Приедешь в Париж, он осмотрит нос: я вам, скажет, только правую ноздрю могу вылечить, потому что левых ноздрей не лечу, это не моя специальность, а поезжайте после меня в Вену, там вам особый специалист левую ноздрю долечит» (Д18; т. 14: 231).

В его романах герои болеют, когда это нужно писателю. Обычно так возникают перерывы действия и остановки в сюжете. Они мотивируют дискретность времени, развитие и завершение действия, трансформации и метаморфозы, переходы из одного состояния в другое, выход за пределы эмпирического опыта, спутанность сознания, безумие, алогизм, профетизм, психические и поэтические эффекты.

Больны не только люди — заразен климат Петербурга:

«У нас погода страшная. Разверзлись хляби небесные и провидение послало на С<еверную> Пальмиру по несколько 1000–ч насморков, кашлей, чахоток, лихорадок, горячек и т. п. даров. Иже согрешихом!» (Д18; 15₁: 70). —

Такова погода не только в Петербурге, но и в Европе, Женеве:

«Ветры и вихри по целым дням, а в обыкновенные дни самые внезапные перемены погоды, раза потри, по четыре в продолжение дня. Это геморроидалисту–то и эпилептику! И как здесь грустно, как здесь мрачно» (Д18; 15₂: 194).

Во времена Достоевского смертельной болезнью была чахотка. В романе «Бедные люди» от чахотки умирает студент Покровский, в повести «Дядюшкин сон» — уездный учитель Вася, в «Записках из Мертвого Дома» — каторжане Устьянцев, Михайлов и др., в романе «Униженные и оскорбленные» — мать Нелли, в «Преступлении и Наказании» — Катерина Ивановна, в «Вечном муже» — неверная жена Наталья Васильевна, в романе «Идиот» — Ипполит Терентьев, чахоткой болен брат старца Зосимы Маркел и помощник прокурора Ипполит Кириллович.

Болезнь иных героев очевидна, но диагноз не назван автором. Сходят с ума старший Голядкин, Вася Шумков, Ефимов, Видоплясов, князь Мышкин, заболевает «белой горячкой» Иван Карамазов.

Преступление как болезнь предстает в судьбах Раскольникова, Свидригайлова, Рогожина, Ставрогина, Версилова, Ивана Карамазова.

Известен парадокс Свидригайлова, который на упрек Раскольникова в видении призраков, возражает ему: «Это–то я и без вас понимаю, что нездоров, хотя, право, не знаю чем; по–моему, я, наверно, здоровее вас впятеро» (Д18; т. 7: 199).

Болезнь лежит в основе сюжетов повестей «Хозяйка», «Слабое сердце», «Записки из подполья». «Зубная боль» становится символом метафизического зла в сознании парадоксалиста в «Записках из подполья».

Трактатом о врачах и медицине давно стали госпитальные сцены в «Записках из Мертвого Дома».

В 1840-е гг. у Достоевского еще **не было** припадков эпилепсии, но первое описание падучей он дал в повести «Хозяйка» (1847):

«...раздался потом дикий, почти нечеловеческий крик, и когда разлетелся дым, страшное зрелище поразило Ордынова. Дрожа всем телом, он нагнулся над стариком. Мурын лежал на полу; его коробило в судорогах, лицо его было искажено в мучах, и пена показывалась на искривленных губах его. Ордынов догадался, что несчастный был в жесточайшем припадке падучей болезни. Вместе с Катериной, он бросился помогать ему...» (Д18; т. 2: 50).

Больны падучей Нелли, Мышкин, Смердяков. Шатов отмечает симптомы эпилепсии у Кирилова.

Беременность не болезнь, но смертельным может быть родоразрешение: в родах умирает Марья Шатова и ее «ставрогинский» ребенок.

Достоевский был компетентен в медицинских вопросах. В их обсуждении он обнаруживает специальные знания, он точен в описании симптомов, аналитичен в рефлексии, в постановке диагнозов. Описание эпилептического припадка князя Мышкина вошло в учебники психиатрии.

Об эпилепсии Достоевского писали многие, в большинстве своем критики без медицинского образования. И современники, и исследователи путаются в диагнозах и времени возникновения болезни. Ее начало относят к детству, к известию о смерти отца в 1839 г.⁶, в 1840-е гг. друзья и знакомые отмечали «кондрашку с ветерком»⁷, падучую⁸, обмороки и припадки (Григорович, Яновский, Ризенкампф)⁹. Суждения Суворина и Яновского поставлены под сомнение А. М. Достоевским и А. Е. Ризенкампом¹⁰.

Категорически отверг «мифические» эпизоды болезни Достоевского брат Андрей Михайлович:

«...все сказанное о времени и обстоятельствах получения Ф. М. Достоевским "падучей болѣзни" совершенно ошибочно. <...>

...что падучую болѣзнь братъ Федоръ пріобрѣлъ не въ отцовскомъ домѣ, не въ дѣтствѣ, а... въ Сибири. <...>

...не было даже и помину о падучей болѣзни, которою страдалъ бы кто-либо изъ членовъ нашей семьи. Подобный страшный недугъ, несомнѣнно, не могъ бы утаиться отъ внимательныхъ глазъ нашего отца-доктора. <...>

Съ 1837 года по 1841 годъ братъ Ф. Михайловичъ находился въ главномъ инженерномъ училищѣ. При малѣйшемъ появленіи признаковъ сказаннаго недуга у брата, онъ былъ бы, навѣрное, исключенъ изъ училища, потому что въ военно-учебныхъ заведеніяхъ воспитанники, съ подобнаго рода болѣзнями, не терпѣлись»¹¹.

⁶ Суворин А. С. О покойном // Новое Время. 1881. № 1771. 1 (13) февраля. С. 2; Достоевская Л. Ф. Мой отец Федор Достоевский. С. 58.

⁷ [Яновский С. Д.] Болезнь Достоевского // Новое Время. 1881. № 1793. 24 февраля (8 марта). С. 2–3.

⁸ Языков М. Письмо в редакцию // Новое Время. 1881. 2 (14) марта. № 1799. С. 2.

⁹ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М.: Худож. лит., 1987. 335 с.; Яновский С. Д. Болезнь Достоевского. С. 2–3; Еще о болезни Ф. М. Достоевского [редакционная статья] // «Новое Время» 1881. № 1798. 1 (13) марта. С. 3–4.

¹⁰ Достоевский А. М. О Ф. М. Достоевском. Письмо к издателю // Новое Время. 1881. 8 февраля (21 февраля). № 1778. С. 2; Еще о болезни Ф. М. Достоевского. С. 3–4.

¹¹ Достоевский А. М. О Ф. М. Достоевском. Письмо к издателю. С. 2.

По словам Андрея Михайловича, **за всё время жительства братьев в Петербурге** «съ Федоромъ Михайловичемъ не бывало ни одного припадка падучей болѣзни, и онъ рѣшительно никогда не намекалъ объ этомъ недугѣ»¹².

Федор Михайлович, по словам младшего брата, был болезнен и мнителен, не скрывал свои болезни, их симптомы не принимали форму эпилепсии:

«Мнѣ часто приводилось видѣть записки его, оставленные имъ на ночь, приблизительно слѣдующаго содержанія: "Сегодня со мной можетъ случиться летаргическій сонъ, а потому — не хоронить меня (столько-то) дней". Но, скажу еще разъ, о "падучей" въ этотъ періодъ времени онъ никогда не упоминалъ. Наконецъ, я помню слушанное отъ него самого, что эта болѣзнь п р и о б р ѣ т е н а (выделено в источнике. — В. З.) имъ во время нахождения его въ Сибири»¹³.

Его окончательный вывод: всё сказанное «по неволѣ бросаетъ тѣнь на правдивость заявленій доктора Яновскаго»¹⁴.

Столь же критичен к воспоминаниям С. Д. Яновскаго был и А. Е. Ризенкампф, который даже «подумалъ, что по преклонности лѣтъ (какъ доказываетъ весь слогъ и складъ его письма) онъ многое позабылъ и перепуталъ». «Старости это извинительно», — добавил автор¹⁵.

В свою очередь, А. М. Достоевский сначала отверг, потом был готов принять версию А. С. Суворина и А. Е. Ризенкампфа о том, что болезнь Достоевскаго связана с телесным наказанием, которому его подверг плац-майор Кривцов: застав арестанта в казарме, тот приказал его высечь. Суворин, Ризенкампф и А. М. Достоевский не были свидетелями этого события. В XIX в. рукоприкладство было нарушением кодекса чести, позором, который нужно смыть кровью. Если бы нечто подобное случилось с Достоевским, разразился скандал, который бы вышел за пределы Сибири. Достаточно вспомнить, что, когда плац-майор распорядился высечь ссыльного поляка Жоховскаго, Кривцова осудил комендант крепости, сделал выговор генерал-губернатор, «скоро узнал весь город», «общее мнение было против майора; многие ему выговаривали, иные даже с неприятностями» (Д18; т. 3: 452—453).

По мнению Н. Т. Черевина, служившего в то время в корпусном штабе старшим адъютантом, слух об экзекуции Достоевскаго — «это совершенная небылица»¹⁶. Если бы такой случай имел место, он знал бы об этом, слух об экзекуции распространился бы по городу, поступок Кривцова не остался бы в секрете, узнали бы прежде всего от госпитальных служащих, у которых бы лечился потерпевший.

¹² Достоевский А. М. О Ф. М. Достоевском. Письмо к издателю. С. 2.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Еще о болезни Ф. М. Достоевскаго. С. 3–4.

¹⁶ Черевин Н. Т. Полковник де Граве и Ф. М. Достоевский (Омский острог) // Русская Старина. 1889. № 2 (Февраль). С. 318.

Припадки и обмороки были у Достоевского еще в юности. Один случился при Григоровиче:

«Усиленная работа и упорное сиденье дома крайне вредно действовали на его здоровье; они усиливали его болезнь, проявлявшуюся несколько раз еще в юности, в бытность его в училище. Несколько раз во время наших редких прогулок с ним случались припадки. Раз, проходя вместе с ним по Троицкому переулку, мы встретили похоронную процессию. Достоевский быстро отвернулся, хотел вернуться назад, но, прежде чем успели мы отойти несколько шагов, с ним сделался припадок настолько сильный, что я с помощью прохожих принужден был перенести его в ближайшую мелочную лавку; насилу могли привести его в чувство. После таких припадков наступало обыкновенно угнетенное состояние духа, продолжавшееся дня два или три»¹⁷.

О других случаях свидетельствовал С. Д. Яновский. Если А. М. Достоевский и А. Е. Ризенкамф возражали тем, кто считал, что эпилепсия у Достоевского началась в московском детстве и петербургской молодости, то Яновский эмоционально настаивал на том, что падучая Достоевского приобретена 1840-е гг., что его *Epilepsia* обнаруживалась трижды «въ 1846, 47 и въ 48 годахъ»; «между тѣмъ хотя посторонніе этого не замѣчали, но самъ больной, правда смутно, болѣзнь свою сознавалъ и называлъ ее обыкновенно кондрашкой съ в ѣ т е р к о м ъ» (выделено в источнике. — В. З.). Во время этих припадков можно успеть добежать до Сенной, до квартиры Яновского, «а въ сущности это есть одинъ изъ характеристическихъ признаковъ *Epilepsii*»¹⁸.

О первом случае С. Д. Яновский просил вспомнить А. Н. Майкова, как в июле 1847 г. он застал «Өед. Мих. сидящимъ на стулѣ съ поднятою рукою, изъ которой текла струя черной какъ уголь крови и онъ закричалъ <...> "Спасень, батинька, спасень!"». «Это былъ, — продолжал Яновский, — первый сильный припадокъ болѣзни, который сопровождался страшнымъ приливомъ крови къ головѣ и необыкновеннымъ возбужденіемъ всей нервной системы. Я тогда случайно встрѣтился съ Өед. Мих. на Исакіевской площади, онъ шелъ отъ Солоницына и его велъ подъ руку какой-то писарь военнаго вѣдомства. Өед. Мих. былъ въ страшно возбужденномъ состояніи; кричалъ, что онъ умираетъ и чтобы его вели скорѣе ко мнѣ, пульсъ у него былъ болѣе 100 ударовъ и чрезвычайно сильный, голова прижималась къ затылку и начинались конвульсіи». Все видели в квартире Яновского «больного нѣсколько дней послѣ этого пароксизма и я хорошо помню, что я всѣмъ вамъ болѣзнь называлъ падучею и больного лѣчилъ средствами,

¹⁷ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 82.

¹⁸ [Яновский С. Д.] Болезнь Достоевского. С. 2–3.

болѣзни этой соотвѣтствовавшими. И такъ вотъ то время, когда больной страдалъ уже этимъ тяжкимъ недугомъ»¹⁹.

Второй случай вызван потрясением Достоевского, встревоженного и возбужденного известием о «великом горе», — смерти Белинского. В третьем часу ночи С. Д. Яновский увидел, что Достоевский «лежитъ навзничъ, съ открытыми глазами, въ конвульсіяхъ, съ пѣною у рта и съ высунувшимся языкомъ»²⁰.

Третий припадок после одной из пятниц Петрашевского был «сильный и характеристическій». Этими малосодержательными словами ограничивается описание данного «припадка».

Необходимо проанализировать, насколько приведенные симптомы соответствуют или не соответствуют признакам эпилепсии.

А. М. Достоевский не стал спорить с наблюдениями доктора Яновского, А. С. Суворин в редакционной заметке попытался примирить столичные и сибирскую версии происхождения болезни²¹, доктор А. Е. Ризенкампф поиронизировал над возрастом доктора С. Д. Яновского.

Явно избыточны пафос и градус полемики:

«...Сибирь, какъ причина этого недуга, взята тутъ невѣрно. О провѣрнуть эту невѣрность мы обязаны (выделено в источнике. — В. З.) изъ того глубокаго уваженія къ памяти покойнаго, который всею своею жизнью, всѣми поступками и помышленіями доказалъ намъ — какой онъ непримиримый былъ врагъ всякой лжи и тенденціозности»²².

Или:

«Вѣдь согласитесь со мною, что грѣшно право въ такомъ важномъ случаѣ, какъ памятованіе человѣка, дать мѣсто лжи и тенденціозности, противъ которыхъ всю жизнь свою боролся нашъ честный и искренній другъ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій!..»²³

При правдивости и честности каждого оппонента все остались при своем мнении. Poleмика двух докторов, журналиста и архитектора достойна обсуждения и критического анализа специалистов.

На эту полемику отозвался и М. А. Языков, член кружка Белинского в 1840-е гг., в 1870-е гг. новгородский житель и чиновник, с которым общались Достоевские [Андрианова, 2017], рассказал о припадке, который случился с Достоевским либо в 1846, либо в 1848 гг. Тогда в его квартире за сиделись гости, Достоевский задремал, когда очнулся, не понял, где находится и что он делает. Казалось бы, типичная бытовая ситуация. Судя по

¹⁹ Там же.

²⁰ [Яновский С. Д.] Болезнь Достоевского. С. 2–3.

²¹ Еще о болезни Ф. М. Достоевского. С. 3–4.

²² [Яновский С. Д.] Болезнь Достоевского. С. 2–3.

²³ Там же.

всему, летние ночи уже были холодны, Достоевского охватил озноб, ему дали выпить воды, озноб не прошел, он выпрыгнул на улицу в окно. Почему в окно? причин могло быть несколько. Очевидно, оно располагалось низко, ворота могли быть далеко, нужно долго будить дворника, проще попасть на улицу через окно. Кроме Достоевского, то же самое проделал и хозяин квартиры. Достоевский выбежал по Фонтанке на Аничков мост, потом с Невского проспекта повернул налево в Литейную улицу, где на пути в Мариинскую больницу его нагнал Языков. Врач не нашел ничего опасного в состоянии Достоевского. По мнению Языкова, это был припадок падучей болезни. После того, как врач успокоил пациента, Языков на дрожках сначала доехал домой, потом отправил на них домой Достоевского. Нелепый рассказ представлен в «Новом Времени» как достоверное свидетельство²⁴.

Свидетельства современников противоречивы. Каждый стоял на своем. Большинство слухов не подтверждаются фактами биографии и свидетельствами самого Достоевского, его жены Анны Григорьевны и брата Андрея Михайловича — лишь они знали его семейную жизнь.

Вопреки мнению С. Д. Яновского, Достоевский считал (и говорил это десятки раз), что свою болезнь он приобрел на каторге:

«Я часто лежал больной в госпитале. От расстройства нервов у меня случилась падучая, но впрочем бывает редко» (Д18; т. 15₁: 200).

30 июля 1854 г. он еще не был уверен в диагнозе:

«Странные припадки, похожие на падучую и однако ж не падучая» (Д18; т. 15₁: 126).

Точный диагноз в феврале 1857 г. ему поставил доктор в Барнауле. На обратном пути после свадьбы из Кузнецка в Семипалатинск у него случился припадок, перепугавший молодую жену. Об этом Достоевский писал 9 марта 1857 г. двум адресатам.

В письме А. Е. Врангелю он рассказал о самом происшествии:

«В Барнауле со мной случился припадок и я лишних 4 дня прожил в этом месте. (Припадок мой сокрушил меня и телесно и нравственно: доктор сказал мне что у меня настоящая эпилепсия и предсказал что если я не приму немедленных мер то есть правильного леченья которое не иначе может быть как при полной свободе то припадки могут принять самый дурной характер и я в один из них задохнусь от горловой спазмы которая почти всегда случается со мной во время припадка.)» (Д18; т. 15₁: 18).

Письмо брату Михаилу интимно и откровенно:

²⁴ Языков М. Письмо в редакцию. С. 2.; см. также: [Андрианова, 2017: 54–55].

«В обратный путь (через Барнаул) я остановился в Барнауле у одного моего доброго знакомого. Тут меня посетило несчастье: совсем неожиданно случился со мной припадок эпилепсии, перепугавший до смерти жену, а меня наполнивший грустью и унынием. Доктор, (ученый и дельный) сказал мне, вопреки всем прежним отзывам докторов, что у меня *настоящая падучая* и что я в один из этих припадков должен ожидать, что задохнусь от горловой спазмы и умру не иначе, как от этого. Я сам выпросил подобную откровенность у доктора, заклиная его именем честного человека. Вообще он мне советовал остерегаться новолуний. (Теперь подходит новолуние и я жду припадка.)²⁵ Теперь пойми друг мой, какие отчаянные мысли бродят у меня в голове. Но что об этом говорить! Еще может быть и неверно, что у меня *настоящая падучая*. Женья я совершенно верил докторам, которые уверяли, что это просто нервные припадки, которые могут пройти с переменю образа жизни. Если б я наверно знал что у меня *настоящая падучая*, я бы не женился. Для спокойствия моего и для того, чтоб посоветоваться с *настоящими* докторами и *принять меры*, мне *необходимо* выйти как можно скорее в отставку и переехать в Россию; но как это сделать?» (Д18; т. 15₁: 204–205).

Падучая стала пожизненным бременем Достоевского, причиной его отставки, ее лечение — поводом для поездок за границу, выбором места дачного проживания в Старой Руссе.

Диагноз был признан уважительной причиной отставки Достоевского с военной службы.

29 июля 1857 г. в письме И. В. Ждан-Пушкину он надеялся решить этот вопрос «в конце зимы или будущей весной»:

«Я теперь болен довольно опасною болезнью — падучею. Я намерен лечиться и ехать для этого в Москву. Я надеюсь что мне не откажут выехать в столицу» (Д18; т. 15₁: 210).

Дело затягивалось. 8 февраля 1858 г. Достоевский писал Е. И. Якушкину, что все осталось без изменений:

«Я подал в отставку и прошусь в Москву, может быть пропустят. До свидания, благороднейший Евгений Иванович, не взыщите если в письме моем большая безурядица, третьего дня со мной был припадок падучей и теперь я буквально не в своем уме. Не свежа голова и все члены разбиты» (Д18; т. 15₁: 228).

В отставке Достоевский хотел поселиться в Москве, о чем 3 мая 1858 г. он писал М. Н. Каткову:

«Так как у меня в Омском остроге родилась падучая болезнь, продолжающаяся до сих пор усиленно, и которую я выношу очень плохо, то я и просил позволения жить в Москве, для пользования советами Московских докторов.

²⁵ Эта связь не подтверждается хронологией припадков.

Не думаю, чтоб милосердый и благородный наш Император отказал бедному больному, тем более, что мне давно уже всё возвращено. И потому крепко надеюсь поселиться в Москве» (Д18; т. 15₁: 232).

Отставка состоялась 18 марта 1859 г.; через три с половиной месяца, 2 июля, — выезд из Семипалатинска в Тверь.

В свидетельстве прикомандированного к 7-му Сибирскому линейному батальону лекаря Ермакова от 21 декабря 1857 г. отмечено: Достоевский «в 1850 году в первый раз подвергся припадку падучей болезни (Epilepsia), которая обнаруживалась: вскрикиванием, потерей сознания, судорогами конечностей и лица, пеною перед ртом, хрипучим дыханием, с малым, скорым, сокращенным пульсом. Припадок продолжался 15 минут. Затем следовала общая слабость и возврат сознания. В 1853 г. этот припадок повторился и с тех пор является в конце каждого месяца.

В настоящее время г-н Достоевский чувствует общую слабость сил в организме при истощенном телосложении и часто временно страдает нервною болью лица вследствие органического страдания головного мозга. Хотя г-н Достоевский пользовался от падучей болезни почти постоянно в течение четырех лет, но облегчения не получил, а потому службы его величества продолжать не может»²⁶.

В женевских дневниках А. Г. Достоевская стенографически записывала обстоятельства семейной жизни, которые она частью расшифровала и отредактировала сама, частью эту работу выполнила Ц. М. Пошеманская (см.: [Андрианова, Сосновская], [Андрианова, 2018]); не всё из них напечатано в первой публикации. Позже некоторые купюры были восстановлены в отдельном издании, но не все²⁷.

В свое время я поинтересовался у Цецилии Мироновны, что купировано в печатном тексте. Она на время передала мне папку с расшифрованной рукописью. Часть купюр была сделана по соображениям врачебной этики. Припадки эпилепсии имели физиологические последствия, которые требовали перемены нательного и постельного белья. Вряд ли кому-то, кроме медиков, интересны эти подробности. Эти симптомы должны быть проанализированы врачами. Я никоим образом не вторгаюсь в их компетенцию, тем более что медики, как выясняется, тоже ошибаются. Так, например, спорили о болезни Достоевского, лечившие его Ризенкампф и Яновский, сомнительную гипотезу предложил доктор Бретцель, ошибался знаменитый психоаналитик З. Фрейд [Фрейд] и его ученица И. Нейфельд [Нейфельд], [Золотько], [Пылаева], в том числе в своем известном диагнозе «истерии-эпилепсии» Достоевского, ниже всякой критики суждения доморощенных «эвропатологов», издававших в 1920-е гг. в Свердловске «Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии)».

²⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 517–518.

²⁷ Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. М.: Наука, 1993. 545 с.

В статье В. И. Кобылянского дана развернутая критика ненаучных фантазий генетиков по поводу гипотез о наследственной природе эпилепсии [Кобылянский, 2015а, 2015б]. Не подтвердились подозрения, что Достоевский сам сочинил свою падающую, что эпилепсии с такой симптоматикой, которую он приписал Мышкину и Кирилову, нет [Золотько], в критике и психиатрии обоснован тип экстагической эпилепсии — «эпилепсии Достоевского» [Пылаева].

В документах и эпистолярной Достоевского время возникновения эпилепсии двоятся: то ли 1850, то ли 1851 год. Сам Достоевский сомневался в точной дате. Когда был первый припадок падачей писателя, мы вряд ли узнаем. В конце концов не важно, годом раньше или позже — в 1850-м или 1851-м гг. — случился припадок.

В основном факты известны, хотя и неполны, имеются лакуны. Из того, что написано и записано, не всё учтено. В научных исследованиях нужны полнота и систематизация источников, их критический анализ. Информации предостаточно. Необходимо собрать консилиум врачей, прийти к общему знаменателю.

Список литературы

1. Андрианова И. С. «Друг писателей» М. А. Языков и Ф. М. Достоевский: взаимоотношения в письмах, атрибуция, комментарий // *Неизвестный Достоевский*. 2017. № 2. С. 23–58 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1501230224.pdf (15.04.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3141
2. Андрианова И. С. «Я связана с ней против ее желания»: о расшифровке Ц. М. Пошеманской стенографического дневника А. Г. Достоевской // *Неизвестный Достоевский*. 2018. Т. 5. № 2. С. 69–89. [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532688551.pdf (15.04.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3601
3. Андрианова И. С., Сосновская О. А. Стенографическая система Анны Достоевской: проблема дешифровки // *Неизвестный Достоевский*. 2018. Т. 5. № 1. С. 43–67 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1526546792.pdf (15.04.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3521
4. Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М.: Акад. проект, 2018. 729 с.
5. Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского: 1506–1933. М.: Север, 1933. 442 с.
6. Золотько О. В. Достоевский и Фрейд: рецепция статьи «Достоевский и отцеубийство» // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2020. Т. 21. Вып. 3. С. 441–455. DOI: 10.25991/VRHGA.2020.21.3.033
7. Кобылянский В. И. Анализ здоровья Ф. М. Достоевского, его личности и творчества с некоторых позиций генетики (часть I) // *Клиническая Медицина*. 2015. № 93 (2). С. 24–33. (a)
8. Кобылянский В. И. Анализ здоровья Ф. М. Достоевского, его личности и творчества с некоторых позиций генетики (часть II) // *Клиническая Медицина*. 2015. № 93 (3). С. 27–36. (b)
9. *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: 1821–1881: в 3 т.* СПб.: Акад. проект, 1999.

10. Нейфельд И. Достоевский: психоаналитический очерк под ред. проф. З. Фрейда / [предисл.: П. Губер]; пер. с нем. Я. Друскина. Л.; М.: Петроград, 1925. 96 с.
11. Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских: письма М. А. и М. Ф. Достоевских. М.: Соцэкгиз, 1939. 160 с.
12. Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с.
13. Прохоров Г. С. Смерть Михаила Андреевича Достоевского в судебно-медицинских документах // *Неизвестный Достоевский*. 2015. Т. 2. № 1. С. 26–37 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438333869.pdf (15.04.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2015.4
14. Прохоров Г. С. «Дело о смерти Михаила Андреевича Достоевского», или Над чем корпели судьи полтора года // *Неизвестный Достоевский*. 2017. Т. 4. № 2. С. 3–22 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1499857476.pdf (15.04.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3161
15. Пылаева О. А. «Эпилепсия Достоевского», эмоциональная провокация приступов и экстатические переживания в структуре эпилептических приступов (обзор литературы) // *Русский журнал детской неврологии*. 2010. № 4. С. 39–50.
16. [Тихомиров Б. Н.] Ризенкампф А. Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском / подгот. текста, вступ. ст., примеч. Б. Н. Тихомирова // *Достоевский и мировая культура*. СПб., 2018. Альманах № 36. С. 103–160.
17. [Тихомиров Б. Н.] Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского: коллективная монография / Е. Д. Маскевич, Б. Н. Тихомиров, Н. А. Тихомирова; отв. ред. Б. Н. Тихомиров. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 260 с.
18. Фокин П. Е. Молодой Достоевский в воспоминаниях А. Е. Ризенкампфа (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 1. С. 28–45 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554224886.pdf (15.04.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3821
19. [Фокин П. Е.] Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля: коллективная монография / Фокин П. Е., Петрова А. В., Варенцова Е. М. [и др.]. СПб.: Росток, 2021. 448 с.
20. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // *Классический психоанализ и художественная литература*. СПб.: Питер, 2002. С. 70–87.

References

1. Andrianova I. S. “A Friend of Writers” Mikhail Yazykov and Fyodor Dostoevsky: History of Relationship in Letters, Attribution, Commentary. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2017, no. 2, pp. 23–58. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1501230224.pdf (accessed on April 15, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3141 (In Russ.)
2. Andrianova I. S. “I Am Devoted to Her Against Her Will”: on the Decipherment of the Stenographic Diary of Anna Dostoevskaya by Ceciliya Poshemanskaya. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, vol. 5, no. 2, pp. 69–89. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532688551.pdf (accessed on April 15, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3601 (In Russ.)

3. Andrianova I. S., Sosnovskaya O. A. Shorthand System of Anna Dostoevskaya: the Problem of Decryption. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, vol. 5, no. 1, pp. 43–67. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1526546792.pdf (accessed on April 15, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3521 (In Russ.)
4. Volgin I. L. *Rodit'sya v Rossii: Dostoevskiy i sovremenniki: zhizn' v dokumentakh [Born in Russia. Dostoevsky and His Contemporaries: A Life in Documents]*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018. 729 p. (In Russ.)
5. Volotskoy M. V. *Khronika roda Dostoevskogo: 1506–1933 [The Chronicle of the Generations of Dostoevsky: 1506–1933]*. Moscow, Sever Publ., 1933. 442 p. (In Russ.)
6. Zolot'ko O. V. Dostoevsky and Freud: The Reception of the Article “Dostoevsky and Parricide”. In: *Vestnik russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities]*, 2020, vol. 21, no. 3, pp. 441–455. DOI: 10.25991/VRHGA.2020.21.3.033 (In Russ.)
7. Kobylanskiy V. I. Analysis of F. M. Dostoevsky's Health, Personality and Works from the Genetic Standpoint (Part 1). In: *Klinicheskaya Meditsina [Clinical Medicine]*, 2015, vol. 93, no. 2, pp. 24–33. (In Russ.) (a)
8. Kobylanskiy V. I. Analysis of F. M. Dostoevsky's Health, Personality and Works from the Genetic Standpoint (Part 2). In: *Klinicheskaya Meditsina [Clinical Medicine]*, 2015, vol. 93, no. 3, pp. 27–36. (In Russ.) (b)
9. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. (In Russ.)
10. Neyfel'd I. *Dostoevskiy: psikoanaliticheskiy ocherk pod redaktsiey professora Z. Freyda [Dostoevsky: Psychoanalytic Essay Edited by Professor Sigmund Freud]*. Leningrad, Moscow, Petrograd Publ., 1925. 96 p. (In Russ.)
11. Nechaeva V. S. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh: pis'ma M. A. i M. F. Dostoevskikh [In the Dostoevsky Family and Estate: Letters of M. A. and M. F. Dostoevsky]*. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1939. 160 p. (In Russ.)
12. Nechaeva V. S. *Ranniy Dostoevskiy. 1821–1849 [Early Dostoevsky. 1821–1849]*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (In Russ.)
13. Prokhorov G. S. Mikhail Andreevich Dostoevsky's Death According to Forensic Medical Documents. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, vol. 2, no. 1, pp. 26–37. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438333869.pdf (accessed on April 15, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2015.4 (In Russ.)
14. Prokhorov G. S. The Case of Mikhail Andreevich Dostoevsky's Death, or What Did Judges Sweat Away During a Year and a Half. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2017, vol. 4, no. 2, pp. 3–22. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1499857476.pdf (accessed on April 15, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3161 (In Russ.)
15. Pylaeva O. A. “Dostoevsky's Epilepsy”, Emotional Provocation of Seizures and Ecstatic Experiences in the Structure of Epileptic Seizures (Literature Review). In: *Russkiy zhurnal detskoy nevrologii [Russian Journal of Child Neurology]*, 2010, no. 4, pp. 39–50. (In Russ.)
16. Tikhomirov B. N. *Novye arkhivnye i pechatnye istochniki nauchnoy biografii F. M. Dostoevskogo [New Archival and Printed Sources of the Scientific Biography of F. M. Dostoevsky]*. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021. 260 p. (In Russ.)
17. Tikhomirov B. N. Risenkampf A. E. Memories of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]*. St. Petersburg, 2018, no. 36, pp. 103–160. (In Russ.)

18. Fokin P. E. The Young Dostoevsky in Memory of A. E. Riesenkauf (Based on the Materials of the Manuscript Department of the Russian Literature History State Museum Named After V. I. Dahl). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2019, no. 1, pp. 28–45. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554224886.pdf (accessed on April 15, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3821 (In Russ.)
19. Fokin P. E. *Neizvestnye i maloizvestnye istochniki biografii F. M. Dostoevskogo v sobranii Gosudarstvennogo muzeya istorii rossiyskoy literatury imeni V. I. Dalya* [*Unknown and Little-Known Sources of the Biography of F. M. Dostoevsky in the Collection of the Russian Literature History State Museum Named After V. I. Dahl*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2021. 448 p. (In Russ.)
20. Freyd Z. Dostoevsky and Parricide. In: *Klassicheskiy psikhoanaliz i khudozhestvennaya literatura* [*Classical Psychoanalysis and Literature*]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002, pp. 70–87. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Захаров Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>; e-mail: vnz01@yandex.ru.

Vladimir N. Zakharov, PhD (Philology), Professor, Head of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>; e-mail: vnz01@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 17.04.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.05.2023

Принята к публикации / Accepted 22.05.2023

Дата публикации / Date of publication 10.07.2023